

он не мог «податься на знакомство», поскольку «не предвидел поводов к заключению дружбы»: «Нет способу, не могу пристать, не могу привыкнуть; к кому бы ты думал? К людишкам здешним» (91). В «Смирнских записках» Хемницера есть небольшая история про француза, который за тысячи верст от Парижа с тупым равнодушием взирал на неизвестный план родного города, специально показанный ему: «Я, если б не из любопытства, то по крайней мере по привязанности к своему отечеству, я бы затрепетал от радости; я чуть не сошел бы с ума <...>. Но мое размышление, следствие моей чувствительности и сочувствия ко всему, плохо было вознаграждено» (404).

Безусловно, депрессивное состояние Хемницера, усугубляемое частым недомоганием, было связано с особенностями его эмоционального склада. Близко знавшие Хемницера люди воспринимали его несколько упрощенно и нередко видели лишь ту или иную сторону сложной натуры этого человека. В воспоминаниях отца он остался тихим, меланхоличным, но в то же время очень любознательным, смешливым ребенком и «чувствительным благородным» юношей. Во время встречи в Кенигсберге, где стоял Нотебургский полк Хемницера, отец пытался узнать у сына об обижавшем тринадцатилетнего мальчика офицере, «обманщике и злодее». «Я должен, — писал отец, — искренне похвалить его скромность в отношении к его гонителю, о поступках которого я имел верные сведения. Когда я заводил о том речь, он только отвечал: „И, батюшка, слава Богу, что я опять с вами!“ (43—45). Друзья видели в Хемницере «добродушие, нерасторопность и всегдашнюю рассеянность мыслей, противоречащую его наблюдательному уму, причины и действия испытующему» (37—38). Державин писал в рекомендации, данной другу, отправляющемуся в Смирну: «Хотя своими добродетелями и любезным поведением он несомненно приобретет благоволение и приязнь вашу, но на первый однако случай, предвзято о его свойствах, скажу вам: Се истинный Израиль, в нем же лести нет» (17).⁵³ А в письмах М. Н. Муравьева Хемницер — очень милый, живой, веселый человек, который всякий раз в маскараде, в костюме таком, что его не узнать, танцует до утра и уходит в числе последних.⁵⁴

В Хемницере действительно странным образом соединились пылкость, пронзительный взгляд сатирика, мгновенно изобличающий человеческую слабость, и мудрое умение простить ее, которое

⁵³ В данном случае Державин перефразировал слова Иисуса к Нафанаилу: «Се воистину израильтянин, в нем же лести нет» (Иоанн. 1: 47). Может быть, в этом замечании есть намек и на то, что Хемницер имел еврейскую кровь. Во всяком случае, фамилия Chemnitzger дает право сделать такое предположение.

⁵⁴ *Муравьев М. Н. Письма* / Публ. Л. И. Кулаковой и В. А. Западова // *Письма русских писателей XVIII века*. Л., 1980. С. 349.